

“ЛОЛИТА” ОБЖИВАЕТСЯ В МОСКВЕ

“Лолита” всегда считалась самым скандальным произведением Владимира Набокова. Завершена она была в пятьдесят четвертом году, но американские издатели больше года не решались ее публиковать, а в Англии вопрос о ее переиздании дебатировался в парламенте. Что уж говорить о России, где роман десятилетиями можно было прочитать лишь подпольно.

Не легче оказалась и судьба последней экранизации “Лолиты”, сделанной англичанином Эдрианом Лайном, нашим киноманом памятным по фильмам “9 1/2 недель”, “Роковое влечение”, “Непристойное предложение”. Два года картина пролежала на полке, затем ее рискнули показать в Италии и Испании, во Франции дата премьеры пока неизвестна, а в Англии и США о ней пока и разговора нет. Зато до России “Лолита” добралась благополучно. В январе она была показана на открытии московского международного кинофестиваля “Лики любви”, а сейчас месяц будет демонстрироваться в Московском киноцентре. На премьерке там побывали режиссер Эдриан Лайн и сын Набокова — Дмитрий.

Курьян. — 1998. — 12 марта. — с. 27. ЛЮБОВЬ СТРАННАЯ И УЖАСНАЯ

— Господин Лайн, вы сняли целомудренный фильм, в котором откровенная эротика отсутствует. На этом фоне убийство одного из персонажей в финале выглядит чуть ли не порнографией. Зачем вы это сделали?

— Этот поворот заложен в сюжете романа. Мне важен был переход от странного, гротескного, смешного к ужасному. Над моим фильмом как бы витает тень первой экранизации “Лолиты”, сделанной Стенли Кубриком. Там сцена убийства была решена, как игра в пинг-понг: один из персонажей был закутан в простыню, как в тогу. Это было эффектно, но горечи и страха не ощущалось. Мне передать их казалось необходимым. В книге Набокова, если вы помните, персонажу простреливают голову и яркие зеленые мухи облепляют кусочки мозга. Так далеко я не пошел.

— Почему выбрали на роль Гумберта Джереми Айронса?

— Роман Набокова тем и интересен, что в нем хватает и пугающего, и смешного, а в конце все оборачивается историей любви. Для Гумберта встреча со взрослой Лолитой — беременной, “загрязненной ребенком другого человека”, — расплата, которую ему предназначила судьба. Актер, играющий эту роль, должен сам почувствовать боль в сердце. Айронс это смог.

— А чем вас привлекла Доминик Суэйн, ставшая Лолитой?

— Когда увидел Доминик впервые, понял: она одной ногой стоит в детстве, другой — во взрослости. Это меня обрало и поразило. Доминик пришлось играть и маленькую, и повзрослевшую Лолиту, и она прекрасно с этим справилась. Во время съемок ей было пятнадцать лет, но мне она иногда казалась двенадцатилетней девочкой.

— “Лолита” стала для вас еще одним киноисследованием “рокового влечения”?

— Я всегда стремился делать фильмы о человеческих отношениях, в том числе и окрашенных сексуальностью

— от этого никуда не денешься. “Лолиту” впервые прочел ребенком, а лет десять назад перечитал. Роман меня потряс.

— На фильм было потрачено пятьдесят два миллиона долларов. Почему так много?

— Сначала я наивно думал, что сделаю фильм силами двадцати человек. Специально отправился в Северную Каролину, где снимать дешево. Но наша группа постепенно разрослась до духоты человека, и в процессе работы мы объездили несколько штатов — Луизиану, Техас, Калифорнию.

Хотелось передать в фильме ощущение вечной дороги — а это обходится недешево.

— Не хотелось осовременить набоковский роман?

— Вначале думал об этом. Но если бы Гумберт приехал в современную Америку, реакция на него там была бы иной, не было бы такого удивления. Поэтому старался делать фильм ближе к роману и ко времени, которое описывается: это 1947 год.

— Какие киногерои вам ближе?

— Замечательный французский режиссер Франсуа Трюффо сказал, что американские режиссеры стараются делать фильмы о героях, а европейские — о людях слабых и ранимых. Я европеец, англичанин и с этим определением согласен.

— Дмитрий Владимирович, как вы относитесь к киносудьбе “Лолиты”?

— Нам не очень везло с экранизациями произведений отца. Сделать приличный фильм из плохой книги легче, чем хороший — из шедевра. Фильм Лайна мне очень нравится: как и в набоковских писаниях, там есть потрясающие детали, которые надо пережаривать, впитывать в себя. Эта “Лолита” близка роману отца по духу, для меня она, хоть и снята в замечательных цветах, черно-белая: она напоминает, что в людях только “черное” и только “белое” отсутствует.

В Гумберте — Джереми Айронсе многие люди узнают себя, свои чувства, хотя это вовсе не значит, что они в жизни совершали преступления по отношению к детям. Лайн замечательно обошелся с книгой отца, надеюсь, что он согласится снять и еще один набоковский фильм — по роману “Ада”.

— Как ваш отец относился к идее экранизации его книг?

— Отец очень любил кинематограф, считал его появление революцией в искусстве. Одно время шли переговоры с Альфредом Хичкоком о возможном сотрудничестве, но, к сожалению, оно не состоялось. Но, во всяком случае, отец был за экранизации.

— Какой кинематограф, по-вашему, ближе к набоковскому творчеству: американский, европейский или русский?

— Чудный писатель Андрей Битов замечательно сказал, что спор о том, русский или американский писатель Набоков, бесперспективен. Это русский писатель, который завоевал космос. И неважно, в какой стране будут сниматься фильмы по его книгам, главное — кто и как это будет делать.

— Вели ли с вами переговоры об экранизациях произведений отца русские кинематографисты?

Набоков Владимир “МОЙ ОТЕЦ — РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ, ЗАВОЕВАВШИЙ КОСМОС” Курьян. — 1998. — 12 марта. — с. 27.

— Предложений было много, несколько сценариев у меня лежат. Но люди, которые присылают сложные и подробные разработки, не имеют финансовой поддержки своих замыслов. И мне приходится им отвечать: “Увы, нет!”

— Как вы относитесь к тому, что экранизацию “Лолиты” “не пускают” в США?

— Если учесть, сколько времени и внимания американцы уделили истории, недавно включившейся в Белом доме с Клинтонном, их реакция на “Лолиту” странная. При всей их строгой нравственной цензуре любой ребенок, просмотревший по телевизору программу новостей, вправе спросить родителей: “А что такое секс?” Я всегда любил и защищал американцев, особенно в трудное для них время, но теперь...

— Каким вам вспоминается отец?

— Человеком идеальной честности, благородства, оптимизма. У него случились две драмы в жизни. Он потерял детство — не в смысле самоваров и икон, просто его детство осталось в России. И он пережил нечаянное убийство отца, погибшего при покушении на Милокова. Но он верил в собственный талант, в гуманность, в то, что в мире есть и хорошие вещи. Незадолго до смерти он говорил, что больше всего в жизни хотел выразить то, что как призрак существовало в его голове, и достичь художественной выразительности. Отец был очень занятым человеком, но всегда находил время, чтобы поиграть со мной, помочь в занятиях спортом. И еще я, наверное, единственный в мире, кто получал у Набокова уроки русской грамматики. Для меня отец — изумительный, симпатичный, хороший и сильный человек.

— Как сложилась ваша судьба?

— Меня всегда обвиняли в том, что я дилетант. Я занимался пением, был оперным басом, выступал вместе с Паваротти в “Богеме”. Но потом решил это бросить: не нашел хорошего учителя. И занялся автомобильными гонками. Тогда вмешался мой друг, тоже певец, итальянец. Он запер мой автомобиль в своем саду и сказал: “Никаких гонок, будешь петь!” Пришлось вернуться к опере, и, к сча-

стью, нашлись правильные учителя. В свободное время продолжаю заниматься спортом — пилотирую геликоптер, раньше любил альпинизм. Но чем больше времени живу, тем яснее понимаю, что интереснее всего заниматься литературой — папиной и своей. Решил отдаться исключительно ей: это самое лучшее, что может оставить на земле человек.

— Когда впервые побывали в России?

— В девяносто пятом году приехал в Петербург, познакомился с Набоковским обществом: я — среди его директоров. В свое время очень огорчали плохие русские переводы романов отца, написанных на английском языке: и отец, и мать к этому делу относились очень серьезно. К тому же в начале перестройки и гласности многие прибились к изданию набоковских книг, не соблюдая никаких авторских прав. Теперь ситуация постепенно исправляется, появляются очень хорошие издания. И даже наши земли к нам возвращаются. В нашем бывшем петербургском доме на Большой Морской, 47, устроен прекрасный набоковский музей, он расширяется. А в Рождествено, наших деревенских владениях, создается культурный центр — для съездов, конференций, концертов. И даже мне там найдется жилье — в бывшем набоковском имении, в доме, отстроенном на месте старого деревянного, сгоревшего во время пожара.

